

По-третє, чи означає авторський наголос на тому, що право існує лишень як подія те, що «до» чи «після» події права немає? Проте і розуміння «події» може бути доволі неоднозначним (на рівні філософії). Адже є такі події, для яких присутність людини не обов'язкова (сонячні спалахи, землетруси). Якщо ж це події обов'язково за участю людини, то ми повертаємося до традиційного соціуму (поза яким людини і не існує у нормальній соціальній науці). Отже потребує відповіді і питання про специфіку власне «філософсько-правової події», внаслідок якої ми – за твердженням автора – тільки і отримуємо доступ до права.

Проте ці дискусійні моменти не змінюють загального позитивного враження від монографії, яка виконана на належному філософсько-правовому та теоретико-методологічному рівні, в ній по-новому вирішується наукове завдання темпорально-онтологічного осмислення права, а тому публікація зазначеної монографії є помітною подією у вітчизняному правовому житті.

Надійшла до редколегії 19.12.2016

Б. Г. Розовский

ПРАВО КАК ЧАСЫ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА

Если бы объявили конкурс на символ современного общества, то победителем, в моем понимании, должен стать набор часов, у которых отсутствуют стандартные стрелки. Их надо размещать во всех сферах организации человеческой деятельности и в каждой устанавливать индивидуальные стрелки, объективно отображающие уровень соответствия времени, в котором живет наиболее прогрессивно организованная часть современного общества. Разброс показаний окажется огромным, и качественная оценка действительности позволит разработать действенную программу его минимизации.

Нет сомнений, в число первоочередных попадет задача установки таких часов в системе права. Ведь *показания часов права – это время, в которое мы принудительно, под угрозой наказания погружаем общество, каждого человека*. Если дать непредвзятую оценку нынешнему праву (как и опубликованным проектам новых законов), часы явно отстают. Более того, они по большей части простаивают: часовые стрелки двинутся только тогда, когда принимается новый закон или вносятся изменения в действующий. В праве это находит якобы логическое обоснование: законодательство должно быть стабильным. Однако будущее зарождается, присутствует, завоевывает свои позиции сегодня, периодически нарушая столь тщательно охраняемую действующим правом стабильность. Огосударствленное право (под ним подразумевается законодательство), как правило, с опозданием реагирует на появляющиеся новации, изменяя, дополняя действующие законы, принимая

новые¹. Но в целом эти дополнения подгоняются под существующую трактовку правопорядка, встраиваются в него, не меняя кардинально сложившуюся систему. Не будет упреком констатация, что таков исторически сформировавшийся профессиональный менталитет юристов, ориентированных на правопорядок как синоним стабильности общества.

Действительно, исторически человек мог нормально функционировать в обществе, осуществлять предсказуемую социально-экономическую и иную значимую *привычную* деятельность только в рамках протяженного во времени стабильно действующего законодательства. Так было веками и тысячелетиями. На сохранение исторической традиции ориентирована вся нынешняя теория права. Но задам дерзкий вопрос: действительно ли оправдано полнокровное ее существование в наше время?

Однозначно ответить, наверное, трудно. В США, например, Конгресс принимает в год 1-2 закона. В Украине в 2016 году Верховная Рада приняла 160 законов, в 2015 году – 350². Показательно, Госдумой РФ готовится к принятию закон о внесении в УПК поправки, регламентирующей единый день вступления в силу всех изменений и дополнений в данный Кодекс. Их динамика доходит иногда до 2-3 изменений в месяц. Странники законопроекта отмечают, что порой нормы УПК меняются скорее, чем успевают закончиться расследование по конкретному делу. Но сопоставление мало информативно, если не учитывать, что в США действует конституция, принятая в 1787 г., и за более чем двухсотлетний период там был создан громадный массив законов, а в постсоветских государствах законодательную базу приходится создавать практически с нуля.

Всё это так. Однако почему никто не задает вполне логичный в данной ситуации вопрос: оправдана ли такая гонка законодательства? *Необходимо ли оно в таком объеме, если общество относительно нормально функционировало и продолжает существовать при наличии уже имеющегося, ограниченного по объему законодательства, регулирующего основополагающий порядок и главенствующие правила поведения? Нуждается ли современный человек в обширном, детализированном путеводителе?*

Позволю себе попытаться ответить на заданный вопрос, опираясь на специфику недавно сформировавшейся отрасли экологического права.

Формирование семи отраслей права на протяжении истории происходило по единой схеме. Каждый номинант занимал отведенную ему нишу, практически не отнимая правовое пространство в уже существующих отраслях. Новые отношения приобретали право на самостоятельное регулирование при условии, если они имели четкие границы и не подпадали под юрисдикцию существующего законодательства. В свою

¹ Вспомним арест крупнейших украинских трансплантологов, производивших операции без законодательного признания их законности. Тысячи жизней ежегодно не могли быть спасены из-за отсутствия в Украине на протяжении десятилетия законодательной базы, аналогичной имеющейся в странах Запада.

² По оценкам аналитиков в 2016 году из 1,5 тысячи законопроектов законами стали только 10%. 75% - это законы, которые вносили изменения в другие законодательные акты. Только 25% - законы, регулирующие новую сферу.

очередь, появление неофита не приводило к каким-либо явно видимым трансформациям в других отраслях. Экологическое право фактически произвело революцию в сложившейся традиции построения общей системы права. Сегодня трудно назвать отрасль, которая в той или иной мере не работает на реализацию целей и задач охраны природы и рационального использования ее ресурсов, не претерпела соответствующих коррективов в своей нормативной базе. Недаром некоторые теоретики призывают именовать экологическое право Экологической конституцией Земли.

Наберусь смелости заявить большее: появление экологического права высветило долго скрывааемый плакатный характер конституционного постулата о человеке как главном субъекте права, наделенном в цивилизованном государстве обширным перечнем прав и свобод. Статья 13 Конституции Украины гласит: «Земля, ее недра, атмосферный воздух, водные и другие природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Украины, природные ресурсы ее континентального шельфа, исключительной (морской) экономической зоны являются объектами права собственности Украинского народа». Я, ты, он, она – все мы являемся представителями Украинского народа и, казалось, в силу этого обладаем правом собственности природных ресурсов. Но, действительно, только казалось.

По букве высшего закона «От имени Украинского народа права собственника осуществляют органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах, определенных настоящей Конституцией». *Гражданин Украины фактически является не собственником природных ресурсов, а всего лишь природопользователем - он «имеет право пользоваться природными объектами права собственности народа в соответствии с законом», то есть в порядке, предписанном ему свыше.* Остается человек пользователем и тогда, когда юридически наделяется статусом, например, собственника земельного участка. Он вправе использовать его лишь по предписанному назначению, государство обладает правом изъять выделенный земельный участок, если сочтет необходимым использовать его в других целях. Такова была практика изъятия находящихся у граждан в «собственности» земельных участков в связи со строительством моста в Киеве; она повторилась в Керчи при прокладке автотрассы к строящемуся мосту через черноморский пролив.

В заключительной части ст.13 Конституции Украины утверждается: «Государство обеспечивает защиту прав всех субъектов права собственности и хозяйствования, социальную направленность экономики. Все субъекты права собственности равны перед законом». *Человек как пользователь природными ресурсами здесь отсутствует. Он упоминается лишь в плане защиты от произвола собственника: « Собственность не должна использоваться во вред человеку и обществу».* О каких равных перед законом субъектах собственности идет речь, судить трудно, ибо из приведенного текста явствует, что единственным собственником является представляющее интересы Украинского народа государство, делегировавшее свои полномочия органам государственной власти и органам местного самоуправления.

Экологическое право не является чем-то уникальным, оно лишь высветило реально существующий статус человека в общей системе права. «Взгляните на современного человека, - пишут независимые наблюдатели. От самого маленького, до большого. Он опутан паутиной законов и условностей в такой степени, что ничего данного ему от природы не осталось. И назовите мне, какая в истории масштабная жизненно важная политическая или социальная задача была решена с помощью этики? Нет такой! Все решалось принуждением». Парадокс, даже то, что в правовых нормах представляется как разрешение, фактически является замаскированной формой принуждения: человек наделяется правом «свободно» действовать в четко определенных формах и регламентированном порядке.

На первый взгляд, такая политика является следствием неверия в возможности рядового человека самостоятельно решать масштабные жизненные задачи. Отсюда известно: «Фюрер думает за нас». Отсюда постыдная цензура литературы, произведений искусства и прочего: не в состоянии разумный человек оценить, что полезное или вредное ему навязывается. Однако на деле за этими вывертами стоят корыстные интересы определенных каст, использующие для их защиты механизм государства. Провозглашается: всё это делается во имя обеспечения прав и свобод человека, его интересов. Получает же в реальной жизни человек не идеальные права и свободы, а некий эрзац. Философы, политологи, журналисты не раз отмечают, что представление, например, о свободе слова как о чем-то реально воплощенном в неких наиболее продвинутых странах - иллюзия. Везде и всегда идет борьба за власть, везде есть финансовые интересы владельцев СМИ, имеют место амбиции конкретных журналистов, наконец, никто не отменял и вопросы национальной безопасности. А потому свобода слова оказывается не просто ограниченной, но серьезно искаженной – не соответствующей идеальным представлениям о ней. То же с другими правами и свободами – они сидят в «клетке» закона.

Не могу понять, почему вопрос о псевдосвободе рядового гражданина хоть обозначается, а фактическое бесправие представителей исполнительной власти, важнейших субъектов уголовного процесса, тихо замалчивается. Ни один самый совершенный закон, ни одна детальнейшая инструкция не позволяют управленцу-чиновнику решать в точном соответствии с ними ту массу практических задач, которые ежедневно на него обрушиваются. Действуют с нарушением предписаний, а пока эффективность работы оценивается по степени соблюдения буквы закона; за обилием отступлений от нее очень трудно определить, где главенствует коррупционная корысть, а где элементарная эффективность.

Сегодня физика отвергла существующие представления о времени и пространстве. Мир перевернулся. История сломалась. Все стало парадоксальным. На призывы: «Сезам, откройся!» природа все шире открывает свои двери. На глазах меняется общество. А в праве мы по-прежнему сидим в крепостных башнях, построенных в далеком прошлом.

Пора в праве переходит от арифметики, если не к высшей математике, то хотя бы к алгебре, которой проверяется гармония.

Всем памятны слова президента США Франклина Делано Рузвельта: «Первая свобода – это свобода самовыражения и свобода слова. Вторая свобода – это свобода вероисповедания. Третья свобода – это свобода от нищеты, бедности, безработицы. Четвертая свобода – это свобода от страха». Я бы поменял эти свободы местами, поставив на первое место свободу от страха. Эту свободу человеку может обеспечить его правовая безопасность, которую следовало бы толковать не только как «ограничение человеческих взаимодействий посредством создания стабильной (но не обязательно эффективной) нормативной системы, позволяющей свести к минимуму неуверенность человеческих действий и снизить их стоимость»[1, 65; 2, 109].

Очень часто государство видит в людях проблемы, тогда как подлинный путь к прогрессу – видеть в людях ценный актив. При сохранении запроса на улучшение качества государства, полноценная реализация современного междисциплинарного подхода в теории права возможна, если право в преобладающей части будет инициативным; его реальным, а не декларативным, творцом станет каждый человек со множеством разносторонних интересов и устремлений¹.

Понятно, до слов Пушкина: «Весь мир забыл, не правил он ничем, и без него все шло своим порядком», – далеко. Для начала – это *предоставление человеку права выбора способа достижения поставленных целей с учетом имеющихся возможностей, способностей и ресурсов, выбора условий согласования своих действий с другими. Иными словами, форма регулирования отношений изначально предлагает максимум вариативности способов достижения цели. Монорегулирование, которое преобладает в современном праве, в разумных пределах оправдано только там, где закрепляются фундаментальные на сегодня основы общества.*

Возвращаясь к образным часам, определяющим, как указано в начале, уровень соответствия времени, в котором живет наиболее прогрессивно организованная часть современного общества, то их минутные стрелки и показывают подвижность инициативы граждан, а также должностных лиц в восполнении существующего государственного права и его корректировки. Дабы не заниматься модным ныне изобретением новых терминов, полагаю допустимым распространить на такую форму регулирования понятие обычного права, понимая под ним не только давние, исторически сложившиеся обычаи, но и нынешнюю повседневную практику регулирования людьми необходимых взаимоотношений.

Я уже писал[3], что право – порождение человека, интеллектуальное его продолжение. Человек – создатель права. Не нужно смотреть на право, как на замороженного цыпленка, которого можно положить в морозилку, достать через некоторое время и ожидать, что оно окажется свежим. Право,

¹ Нынешние отношения в системе "бизнес - наемный работник" американский экономист и писатель Н.Талей называет современной формой рабства. "Если человек годами лишает себя свободы на 9 часов в сутки и пунктуально приходит в офис, отказывая себе в праве составлять собственное расписание, это достаточная демонстрация покорности. Вы имеете дело с послушным, приученным к лотку домашним животным", - отмечает автор.

как и сам человек, находится в постоянном развитии. Один древний мудрец утверждал: «Мне нужны люди, спорящие со мной. Это позволяет мне расти – я все время меняюсь. Если бы я подумал, что сейчас нахожусь там, где был раньше, я бы не захотел жить в этом мире». Не надо считать спор с правом прерогативой только ученых-юристов. Реальная жизнь – смотровая площадка, постоянный дискуссионный клуб права. Нужно это приветствовать, отслеживать поводы и аргументы спора, своевременно искать пути нахождения компромисса интересов и вносить соответствующее в законодательство. *Это тот случай, когда время – деньги. Мы просто не научились считать, во что обходится несвоевременное реформирование каждой правовой нормы.*

Нестандартный вопрос: если законодатель не столь уж редко запаздывает с реформированием действующего законодательства, может ли гражданин не соблюдать, нарушать закон, не адекватный требованиям жизни? На первый взгляд сама постановка такого вопроса кощунственна. Но все же существует давняя притча: «Когда-то жил человек, у которого была старинная деревянная статуя Будды, прекрасная до невозможности, истинный шедевр, фамильная реликвия. Как-то зимой, в лютые холода, он сильно замерз. Медная жаровня с углями не в силах была обогреть помещение. Человек трясся от холода. Угли постепенно догорели, а больше дерева у несчастного не было. И тут ему явился Будда и спросил: «Почему ты не сожжёшь мою статую?» - «Разве могу я сжечь статую Будды? Ни за что и никогда!» - ответил он. - «Я не в куске дерева, а в тебе, - рассмеялся Будда, - и я так же, как и ты, страдаю от холода! Скорее жги статую!» Так должен ли страдать гражданин от правого «холода» или вправе сжечь Будду закона?»

Сегодня ответ однозначен: *Dura lex sed lex* – плох закон - но закон. Однако в современном обществе цена неадекватного закона колоссально выросла, причем рост продолжается. Можно надеяться на серьезную трансформацию мониторинга эффективности действующего законодательства, однако трудно себе представить, что внесение изменений станет во всех случаях своевременным, не будет отставать от требований практики. *Хроническое несоответствие действующего законодательства реальным потребностям общества явление повседневное. Оно носит системный характер, однако усилия правоведов, в лучшем случае, сосредоточены на выявлении единичных пробелов в рамках узкой темы исследований. Я не собираюсь становиться на путь отрицания права как такового, не призываю к бездумной либерализации правоприменительной деятельности. Полагаю, настало время осмысления реально сложившегося механизма регулирования поведения человека в обществе, признания того, что он включает две составляющие – обычное право как первооснову, наиболее распространенную форму регулирования, и право оговоренное - закон и основанные на нем иные нормативные акты.*

Не отрицая роль стратегического законодательства силами профессиональных юристов, считаю необходимым сосредоточить усилия на глубоком анализе сложившегося массива норм обычного права - права созданного рядовыми людьми (а также, признаем, не заикленными чиновниками), твердо

стоящими на грешной земле и находящими взаимоприемлемые решения в противоречивом переплетении рядовых и сложнейших жизненных ситуаций.

Я не располагаю отечественной статистикой, но по данным Объединенного народного фронта, до 40 процентов актов президента РФ остаются не исполненными. «Законодатели напрасно тешат себя мыслью, что именно их условиями создается устойчивый правовой порядок. Но, как показывают социологические опросы федеральных служащих в РФ, знание и использование ими норм законов колеблется в пределах 10-20 %». Многочисленные исследования свидетельствуют: подавляющая часть населения не только не знает формулу, но и вообще не имеет представления о существовании большинства конкретных правовых норм. В частности, как выяснилось, преступники и законопослушные граждане имеют равные знания и представления о законах [4, с. 4]. Согласно материалам очередного исследования «Українське суспільство. Моніторинг соціальних змін», проведенного Институтом социологии НАНУ, 57,8% опрошенных убеждены, что в нынешнее время нет единых, признанных всеми правил общественного поведения [5]. Тем не менее, по общему правилу поведение граждан соответствует требованиям значительной части норм, если последние соответствуют обычной практике.

По оценке специалистов, государственное регулирование экономики через законы и иные правовые акты, выполняющие роль «проводников» управляющих решений, охватывает порядка одной трети реальной экономики. Две трети экономической деятельности осуществляется в режиме саморегулирования [6, с. 22-27]. Речь идет не только о теневой экономике. (Фактически теневая экономика – это также нормальная, зачастую более эффективная экономическая деятельность, специфика которой – уход от налогообложения). Оценка охватывает все виды повседневной экономической деятельности. Но тогда у меня возникает вопрос: что такое саморегулирование в экономической и иной сфере общества – хаос или упорядоченная деятельность? А если деятельность упорядоченная, нормированная, в этом сомнений нет, то каким правом она на две трети регулируется? Ответ может быть только однозначный – это обычное право. Добавлю, практика реализации диспозитивных норм также приводит к формированию определенных обычаев.

Еще одна ситуация, требующая регулирования. В огосударствленном праве, как принцип, одна норма предполагает один вариант поведения. Данное правило формулируется как условие определенности правовых предписаний. В обычном праве, с учетом места, времени, личностных характеристик исполнителей, одна и та же задача может иметь несколько решений для достижения одной и той же цели. Сведение их к одному, как это происходит в огосударствленном праве, в динамике (не исключено и в первоначальном варианте) приводит к излишним затратам, снижается эффективность. Не вдаваясь в философию, полагаю допустимым сформулировать основополагающий постулат: огосударствленное право формулирует общие нормативные правила поведения, обычное право претворяет эти правила в жизнь.

Не будет преувеличением утверждение: огосударствлённое право – это корабль на стапелях судостроительной верфи. Там он смотрится величаво, но плыть ему в море волн обычного права, величина которых во многом зависит от погоды–политики и «плотности» нормативного регулирования. Непонятно, почему в теории права односторонне исследуются эти и другие факторы.

Нельзя требовать невозможного. Современное право не в состоянии своевременно регулировать перманентно возникающие отношения, к тому же трансформирующиеся в разных условиях места и времени. Более того, многие существующие нормы действующего права могут быть правильно истолкованы через историю лежащих в их основе правовых обычаев. Когда обычное право чихает, нормативное простужается. Исключение обычаев из права превращает его в химеру.

В реальной действительности редко какое правило не требует выявляемых в процессе его применения разного рода исключений. На практике неизбежно появляются личности, которые находят выход путем «выезда на встречную полосу». Закон, сохраняющий омертвляющиеся стереотипы, не способный по-новому и более широко посмотреть на изменяющийся мир, сам становится в части практики его применения товаром на правовом рынке, правда, «чёрном»: регламентируемые запреты в большинстве без особых проблем обходятся на коррупционной основе. В итоге жизнь берёт своё, параллельно с законодательным полем постоянно функционирует, развивается реально действующее обычное право, где самые действенные законы – неписанные. Перефразируя слова Салтыкова – Щедрина о литературе, можно образно сказать, что обычное право родилось и существует по недосмотру начальства. Еще наши далекие предки собирались и устанавливали общие правила решения насущных задач. Созывать по каждому поводу «законодательное собрание» хлопотно, поэтому многие проблемы решались путем взаимного согласования насущных вопросов отдельными членами племени.

Я разделяю предположение, что и будущее право будет конструироваться на основе договора всех со всеми заинтересованными людьми. Бессмысленно договариваться с государством, пока члены общества не договорились между собой.

Все позитивное и отрицательное в жизни общества имеет один источник – человека. И если мы преследуем какую-то цель, вводя закон, необходимо приложить максимум усилий, чтобы предписываемое поведение стало обычаем. Обычай насыщен реальной жизнью, конкретными механизмами, согласованностью действий его исполнителя, чего трудно добиться в конструкции норм огосударствлённого права. Здесь уместен в качестве параллели афоризм Ж. Санд: «Жизнь чаще похожа на роман, чем наши романы на жизнь». Игнорирование обычаев в наше время – это крупная ошибка. Напротив, изучение исторических примеров формирования обычаев и научная разработка внедрения этих механизмов в действующую практику – один из действенных способов повышения эффективности законодательства.

Огосударствлённое право в общей системе правового сознания есть не более, чем контурно выраженный скелет форм регулирования. «Мышцами»

и прочими составляющими правового тела являются многочисленные неформальные правила поведения, вырабатываемые человеком в процессе повседневной производственной и других форм деятельности каждодневного общения. Именно здесь находят свое отражение те самые «подробности», при игнорировании которых захлебывается и огосударствлённое право, и сама реальная жизнь.

Ведь по своей сути право – это форма закрепления выбора оптимальной деятельности человека во всех ее сферах. Говоря языком науки, выбор – это разрешение неопределенности в деятельности человека в условиях множественности вариантов. Происходить это может как случайно, в силу неоднозначности процесса решения, так и целенаправленно, в русле поиска лучшего решения. Всё это осуществляется в рамках формирования обычая. Задача считается решенной, если выбран окончательный вариант, когда деятельность признается продуктивной. Тогда нормы обычного права закрепляются государством, становятся общеобязательными. Выбор для огосударствления предопределяется как распространенностью вида деятельности, так и важностью ее даже в локальном масштабе.

Есть мудрое сравнение: звезды льют свой свет беспрестанно, но при солнечном свете мы не видим света звезд. То же происходит с оценкой современного обычного права. На фоне права огосударственного его как бы нет, во всяком случае, оно не привлекает внимание исследователей, ибо, образно говоря, в типографски отпечатанных правилах его нормы дописаны ручкой. Ограничивается данная констатация только регулированием подвижной сферы экономики? – Отнюдь. Стоит вспомнить, что в Уголовном процессуальном кодексе регламентируется такое процессуальное действие, как следственный эксперимент. Оно было изобретено безмянными следователями, многие годы применялось на всем советском пространстве до закрепления в законе. Результаты применения фиксировались в протоколах, учитывались при вынесении приговора. Можно ли считать подобную практику внеправовой? Стала ли она правовой только после регламентации данных действий в УПК?

Считается аксиомой, что наиболее эффективное решение – это повышенная жесткая регламентация действий для достижения заданной цели и усиление ответственности за допущенное отклонение. А что если пойти противоположным путем? Ведь в медицине для укрепления здоровья рекомендуется целый комплекс мер, но каждый человек выбирает то, что считает для себя более приемлемым: кто диету, кто физические нагрузки и т.п. Почему огосударствленное право диктует, что и как надо делать? Почему не формулировать цель, а далее предоставлять гражданам право выбора, поиска наиболее приемлемых способов ее достижения?

Незыблемое ограничение – не нарушать права и интересы других, в том числе и государства. В остальном дерзай! Сложно? Полагаю, не сложнее, чем плодить множество запретов всего и вся, заведомо зная о невысоком уровне их соблюдения. Здесь неоценимую помощь окажет опыт обычного права,

когда поставленная цель в каждом конкретном случае достигалась с помощью средств, адекватным условиям места и времени.

В некотором смысле право, как и культура, - это закодированные представления человечества об организации своей жизни. *Право – не то, что дано кем-то извне, не просто форма организации, а форма САМОорганизации жизни и деятельности людей. Известная трактовка права как воли господствующего класса, возведенной в закон, – это не что иное, как уничтожение права граждан на самостоятельное обустройство своей жизни, его клановая приватизация, которая по Платону есть кража¹. (О разнице между первым и вторым можно судить по отношению к ним граждан, по эффективности права. Чтобы вернуть его народу, надо, как минимум, принимать законы только после обсуждения их на референдуме).*

Закон никогда и нигде не вытеснял обычай как таковой, хотя бы в силу того, что ни теоретически, ни практически невозможно зарегулировать все жизненные ситуации. Он оконтуривает обычай, если регламентируемый им порядок не обеспечивает должную безопасность.

Значительная часть государственных предписаний, как показала практика, не может быть воплощена в жизнь, если они не дополняются, не конкретизируются, с учетом условий и места, выработанными обычаями реализации. Скрупулезное соблюдение официально озаконенного права превращает его в вариант короля Мидаса. *Все, к чему он прикоснулся, стало золотым, но, как мы знаем, Мидас умер от голода.* Достаточно вспомнить получившие известность так называемые «итальянские забастовки», когда, например, диспетчеры аэропорта стали пунктуально выполнять предписанные правила - в итоге полеты пришлось приостановить. Утвержденные правила на практике во многом дополнялись наработанными неформализованными приемами, которые превращались в обычаи, и только в дополнении к инструкции позволяли на должном уровне руководить полетами.

Постоянно пополняемое и совершенствуемое обычное право, вырастающее на почве права огосударственного, почти повсеместно выполняет роль коробки передач в его машине. Не пора ли в полный голос признать, что общество существует и благополучно развивается за счет того, что в значительной части функционирует за пределами огосударственного правового поля? А коль так, не настало ли время заняться перенастройкой гипотетических часов действующего права, исследовать соотношение силы его полей, в частности, возможности в рамках обычного права ставить вопрос об изменении и даже отмене норм права огосударственного?

¹ Не удивительно, что во многом «приватизированному» праву в реальной жизни противостоит право народное и псевдонародное, которые в иной интерпретации регламентируют существующие отношения. Ярчайший отрицательный пример последнего - тотальная коррупция как способ обхода официального законодательства нынешней Украины, не подкрепленного действенными механизмами его реализации. Понятно, не все принятые по инициативе власти законы плохие, и они работают. Есть и такие, которые далеки от совершенства, но им нет альтернативы и потому их вынужденно выполняют.

В свою очередь, не требуется ли пересмотреть сложившуюся практику законотворчества: не изобретать велосипед на новом месте, а сделать ставку на анализ эффективности практики применения обычая и при положительном результате класть его в основу проекта масштабного закона?

Ныне мы стоим на пороге массового производства искусственной сознательной жизни. Согласно церковным верованиям, человек создан по подобию Божьему. Надо признать, в технологии было что-то не так – образец получили не совсем отвечающий декларируемому эталону, не удалось построить общество, основанное на высоких моральных ценностях. Сегодня ситуация усложнилась: если начнем делать копию с копии – а к тому идем – есть вполне реальная угроза получить на выходе Сатану.

Существует много способов, методов и методик оценки Homo Sapiens. Но, наверное, наиболее надежной, наиболее объективной следует признать оценку по критерию созданного им права. Ведь право – это формализованные обязательные для исполнения условия жизни и деятельности человека. Утверждение: «Каково право – таков и человек», – отнюдь не гипербола, а реальная действительность. Жаль, что в такой интерпретации человек не смотрит на себя в зеркало права – наверняка бы ужаснулся, отважившись на такой шаг.

Понятно, мы попытаемся заложить в проектируемый искусственный разум все самое совершенное. Не говорю, насколько это осуществимо. Но разум есть разум, будь он естественный или искусственный. Наивно полагать, что робот до конца истории останется роботом-слесарем, домработницей или футболистом. Самовоспроизводство и саморазвитие будущих гуманоидов – процесс ожидаемый и остановить его человеку вряд ли будет по силам. (Мы не можем приостановить создание и распространение атомного оружия, а это семечки на фоне будущих проблем роботизации общества). Процесс самоорганизации всего живого с учетом состояния окружающей среды является законом. Но для искусственного гуманоида в категорию окружающей среды попадает прежде всего все человечество!

Это будет завтра, но не стоит ли об этом задуматься сегодня? И не пора ли глазами будущего гуманоида посмотреть на нынешнее наше право, критически оценить, что мы упустили в далеком позавчера, переходя от естественно формировавшегося обычного права к искусственно насаждаемому ныне огосударствленному праву, получив такое «масмо»?

Есть над чем думать.

Использованная литература:

1. Dooglass C. North. Institutionen, institutioneller Wandel und Wirtschaftsleistung. 1990. S. 65.
2. Книпер Р. Кодификация и правовая безопасность в гражданском праве / Р. Книпер // Государство и право. – 2012. – № 1. – С. 108-111.
3. Розовский Б.Г. Король жив. Но нуждается в лечении / Б.Г. Розовский. – К., 2016.

4. Тихомиров Ю. А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2008. – № 3. – С. 3-9.
5. Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. Випуск 2 (16) ... М.О.Шульга. – Київ : Інститут соціології НАН України, 2015. – 780 с.
6. Правовые основы государственной поддержки бизнеса: монография / отв. ред. Г.Л. Знаменский; НАН Украины, Ин-т экономико-правовых исследований. – Донецк: Юго-Восток, 2011. – 170 с.

Стаття надійшла до редколегії 07.12.2016